

RU

Репрезентация категории косвенной эвиденциальности средствами стратегии уклонения в английском, русском, чувашском языках

Демьянова Т. В., Софронова И. В.

Аннотация. Цель работы – сопоставительно-типологическое описание языковых маркеров авторской и имперсональной эвиденциальности в английском, русском, чувашском языках. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые систематизированы средства косвенной эвиденциальности чувашского языка в сопоставительном аспекте. В результате исследования выявлено, что оборот «Именительный падеж с инфинитивом», являющийся характерным англоязычным синтаксическим средством реализации авторской эвиденциальности, соотносится с русскими модально-предположительными и сравнительными частицами, вводными словами и словосочетаниями (равнозначными наречию степени уверенности “perhaps”), которые выражают низкую оценку говорящим степени достоверности сообщаемого. В русском языке в арсенал лексических средств реализации имперсональной эвиденциальности входят эвиденциальные частицы, вводные слова и предложения (эквивалентные наречию речевого сообщения “allegedly”), употребляемые с целью указания на недостоверный источник, причём предпочтение в текстах выступлений и заявлений отдаётся эвиденциальной частице «якобы», вводному слову «мол». Эти подходы к классификации эвиденциальных систем применимы и в чувашском языке. На лексическом уровне средствами репрезентации авторской и имперсональной эвиденциальности являются модальные и вводные слова, модальные глагольные формы. Нормой является наличие сразу двух модальных формантов. Однако, в отличие от английского и русского языков, репрезентации эвиденциальности со знаком «-» могут служить сложные грамматические единицы, представленные глагольными аналитическими конструкциями. Полученные результаты свидетельствуют о наличии универсальных и национально-специфических средств репрезентации косвенной эвиденциальности. Коррелирующие средства репрезентации эвиденциальности и эпистемической модальности выполняют важную семантико-прагматическую функцию в высказывании, являясь эффективным средством стратегии уклонения.

EN

Representation of indirect evidentiality through the evasion strategy in the English, Russian, and Chuvash languages

T. V. Demyanova, I. V. Sofronova

Abstract. This study conducts a contrastive typological analysis of linguistic markers of author’s and impersonal evidentiality in the English, Russian, and Chuvash languages. The research novelty lies in the systematic analysis of Chuvash indirect evidentiality markers in a comparative perspective. The study demonstrates that the “Nominative Case with Infinitive” construction, as a characteristic of author’s evidentiality in English, corresponds to Russian modal-suppositional and comparative particles, introductory words, and phrases (equivalent to the degree of certainty adverb “perhaps”), which express the speaker’s low assessment of the reported information’s reliability. In Russian, evidential particles, introductory words, and sentences (equivalent to the hearsay adverb “allegedly”) are used to indicate an unreliable source. The evidential particle “якобы” and the introductory word “мол” are common in speeches and statements. This approach to classifying evidentiality systems is also applicable to Chuvash. Modals, introductory words, and modal verb forms serve as lexical means of expressing author’s and impersonal evidentiality. The standard is to use two modal formants simultaneously. However, unlike English and Russian, evidentiality representations with negative meaning can be complex grammatical units represented by verbal analytical constructions. The findings suggest both universal and language-specific means of representing indirect evidentiality. Correlated representation of evidentiality and epistemic modality plays a significant semantic-pragmatic role in utterances as an effective evasion strategy.

Введение

Объект исследования – наблюдаемое практически во всех языках явление эвиденциальности со знаком «-», к семантической зоне которой относятся те показатели, чьим основным значением является указание на недоверный источник информации о сообщаемой ситуации или его отсутствие. Предмет исследования – лексико-грамматические средства репрезентации косвенной эвиденциальности в публичном дискурсе, к тому же являющиеся средствами семантико-прагматической стратегии уклонения. Актуальность данной работы состоит в выявлении общего и особенного в функционировании лексико-грамматических средств репрезентации косвенной эвиденциальности в чувашском языке. Решение данной проблемы может способствовать ускорению процессов их систематизации и конвенционализации в речевой коммуникации. Сопоставительное изучение дает возможность выявить универсальное и национально-специфичное в ментальном мире носителей рассматриваемых лингвокультур, а также повысить эффективность межкультурного взаимодействия.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи: обобщить подходы зарубежных и отечественных ученых к проблеме; определить семантико-прагматические основания существования тесной связи явлений эвиденциальности и эпистемической модальности; определить и сопоставить наиболее типичные лексические и грамматические средства указания на недоверный источник исходящей информации в публичном дискурсе в английском, русском, чувашском языках; систематизировать эвиденциальные маркеры чувашского языка на основе сопоставления с английским и русским языками.

Материалом для исследования послужили тексты выступлений Постоянного представителя РФ В. А. Небензи на заседаниях СБ ООН, Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, тексты заявлений посла Великобритании в ЭКОСОС ООН Т. Вудроффа, посла Б. Вудворд, специального посланника Х. Грант, чувашских представителей власти и общества Г. Архипова, Н. Е. Григорьева, В. Емельяновой, П. П. Сидорова, З. Торгашовой, извлеченных из таких лексикографических источников, как стенограммы выступлений и заявлений, статьи, опубликованные в официальных периодических изданиях:

- Архипов Г. Чăрмав сине чăрмав // Коммунизм ялавĕ. 1990. 6 июля;
- Выступление Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на заседании СБ ООН по Украине. 22 января 2024 г. <https://rg.ru/2024/01/22/vystuplenie-sergeia-lavrova-na-zasedanii-sovbeza-oon-po-ukraine-glavnoe.html>;
- Выступление Постпреда В. А. Небензи на дебатах высокого уровня в СБ ООН. 28 марта 2023 г. https://russiaun.ru/ru/news/280323_n;
- Выступление Постпреда В. А. Небензи на заседании ГА ООН по гуманитарной ситуации на Украине. 23 марта 2022 г. https://russiaun.ru/ru/news/n_ga_230322;
- Выступление Постпреда В. А. Небензи на заседании СБ ООН по проявлениям русофобии. 14 марта 2023 г. https://russiaun.ru/ru/news/140323_n;
- Выступление Постпреда В. А. Небензи на заседании СБ ООН по сирийскому химическому досье. 7 февраля 2023 г. https://russiaun.ru/ru/news/070223_n;
- Выступление Постпреда В. А. Небензи на пленарном заседании 11-й чрезвычайной специальной сессии ГА ООН. 22 февраля 2023 г. https://russiaun.ru/ru/news/220223_n;
- Выступление Постпреда представителя В. А. Небензи на заседании СБ ООН по поставкам вооружений на Украину и их последствиям. 29 июня 2023 г. https://russiaun.ru/ru/news/290623_n;
- Григорьев Н. Е. Çуралнă çĕр-шыв асрах // Коммунизм ялавĕ. 1990. 5 июля;
- Емельянова В. Юрă – пурнăç тĕрекĕ // Народная школа. 2019. № 2;
- Заявление зам. политического координатора Т. Фиппса на заседании СБ ООН по Украине. 12 апреля 2024 г. <https://www.gov.uk/government/speeches/russia-has-violated-un-resolutions-by-procuring-weapons-from-north-korea-and-iran-to-use-in-ukraine-uk-statement-at-the-un-security-council>;
- Заявление заместителя политического координатора Великобритании Э. Джейкобс на брифинге СБ по Сирии. 6 марта 2023 г. <https://www.gov.uk/government/speeches/five-years-on-from-a-russian-chemical-attack-in-the-uk-russia-continues-to-protect-the-syrian-regime-uk-statement-in-the-security-council>;
- Заявление лорда А. Уимблдонского на открытых дебатах СБ ООН по Ближнему Востоку. 23 января 2024 г. <https://www.gov.uk/government/speeches/we-must-collectively-work-towards-a-sustainable-ceasefire-in-gaza-lord-ahmads-statement-at-the-security-council>;
- Заявление посла Б. Вудворд на брифинге СБ ООН по Афганистану. 20 декабря 2022 г. <https://www.gov.uk/government/speeches/the-taliban-are-failing-to-live-up-to-their-commitments-to-the-afghan-people-uk-statement-at-the-un-security-council>;
- Заявление посла Б. Вудворд на заседании СБ ООН по Мьянме. 4 апреля 2024 г. <https://www.gov.uk/government/speeches/we-must-not-allow-myanmar-to-become-a-forgotten-crisis-uk-statement-at-the-un-security-council>;
- Заявление посла Т. Вудроффа на встрече по климату и безопасности. 29 ноября 2022 г. <https://www.gov.uk/government/speeches/countries-affected-by-conflict-and-food-insecurity-are-on-the-frontlines-of-climate-change>;
- Заявление специального посланника Х. Грант в ООН по случаю Международного дня образования. 26 января 2023 г. <https://hansard.parliament.uk/Commons/2023-01-26/debates/BA5AAAE8-00C5-44D8-B88E-1B52C414C065/details>;
- Сидоров П. П. Лаш Таяпа: çулсем тата сынсем // Коммунизм ялавĕ. 1990. 6 июля;
- Торгашова З. «Салам» сĕмах – асамлă сĕмах // Народная школа. 2019. № 2.

Для достижения цели исследования и решения задач применялись следующие методы: дефиниционный метод (для уточнения определения понятия «эвиденциальность»); метод лингвистического описания (для отбора

и систематизации единиц языка); контекстуальный метод (для выявления лингвистических средств в контексте публичного дискурса); сравнительно-сопоставительный метод (для определения универсальности и специфичности средств репрезентации эвиденциальности и эпистемической модальности в рассматриваемых языках); метод количественного анализа (для подсчета наиболее частотных маркеров эвиденциальности).

Теоретическую базу исследования составляют работы в области типологии эвиденциальных систем (Плунгян, 2011; *Studies in evidentiality*, 2003; *Evidentials: Turkic, Iranian...*, 2000), арсенала показателей в различных типах дискурса (Белоедова, 2018; Костанян, 2019; Козловский, 2022; Левонтина, 2020; Никонова, 2022), функционирования модальности (Сорокина, 2010; Сафина, 2016).

Практическая значимость работы заключается в том, что выявленные типичные средства уклонения от прямолинейности высказываний служат отправной точкой для использования в дискуссиях социокультурной направленности. Полученные в исследовании результаты можно использовать при подготовке раздела практического курса иностранного языка, посвященного сопоставительному анализу средств стратегии уклонения в устной и письменной официальной речи на филологических факультетах вузов.

Обсуждение и результаты

В исследовании эвиденциальности мы опираемся на труд В. А. Плунгяна «Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира», в котором прослеживается история становления понятия «эвиденциальность», проводится обзор эвиденциальных систем, устанавливаются причины связи с эпистемической модальностью. Обобщая взгляд современной грамматической типологии, категорию эвиденциальности В. А. Плунгян (2011) определил как набор грамматических или лексических значений, выражающих эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации. Автор считает, что тип доступа к информации, сообщаемой говорящим, т. е. тот способ, с помощью которого говорящий узнал о сообщаемой ситуации, является принципом, на основании которого следует проводить классификацию эвиденциальных значений. В современной типологии различают прямой и непрямой, личный и неличный доступы к информации. Непрямой доступ к информации означает, что говорящий не имел непосредственного отношения к ситуации, не был ее участником. Неличный доступ к информации предполагает, что знания говорящего были получены им с помощью пересказа чужих слов; при этом источник пересказываемого утверждения может быть говорящему как известен, так и неизвестен. В. А. Плунгян представил классификацию эвиденциальных значений трёх уровней: 1) прямой/личный доступ; 2) непрямой/личный доступ; 3) непрямой/неличный доступ. В. А. Плунгян модифицировал классификацию А. Айхенвальд (*Studies in evidentiality*, 2003), выделявшей два типа эвиденциальных систем: системы I типа, в которых наличие источника информации выражается, но тип источника при этом не уточняется; и системы II типа, в которых различаются типы источников информации. Систему первого типа тюрколог Л. Йохансон (*Evidentials: Turkic, Iranian...*, 2000) назвал *indirectivity* 'непрямой засвидетельствованностью', а систему второго типа – *evidentiality* 'собственно эвиденциальностью'. Классификация Е. А. Никоновой (2022) перекликается с классификацией В. А. Плунгяна и выделяет три типа эвиденциальности: прямую (есть четкое указание на источник информации), имперсональную (отсутствие идентифицированного источника информации), авторскую эвиденциальность. В ряде случаев авторская эвиденциальность, базирующаяся на авторском умозаключении, считает Е. А. Никонова, имеет сходство с эпистемической модальностью, означающей выраженную говорящим неполную степень достоверности сообщаемой им информации. С прагматической точки зрения, если автор не хочет брать на себя ответственность за истинность высказывания, желает отмежеваться от сообщаемой информации, он прибегает к лингвистическим средствам реализации авторской эвиденциальности (Демьянова, 2022a).

Мы разделяем мнение о том, что показатели непрямого доступа / «косвенной засвидетельствованности» коррелируют с показателями эпистемической недостоверности. Несмотря на то, что эвиденциальность указывает на тип источника информации, а эпистемическая модальность является отражением степени уверенности говорящего в достоверности пропозиции высказывания, именно источник информации во многих случаях оказывает прямое влияние на уверенность говорящего (Сафина, 2016). В таком случае можно говорить о точках соприкосновения, или о случаях наложения эпистемической модальности и косвенной эвиденциальности. Осуществление взаимопроникновения модальных смыслов эвиденциальности и модальности подразумевает совпадение эвиденциальных маркеров с модальными показателями (Козловский, 2022). Следовательно, важно рассматривать категории эвиденциальности и эпистемической модальности во взаимосвязи.

Известно, что эвиденциальность является важной коммуникативной категорией, средства выражения которой могут отличаться в языках разных типов и групп. Полагаем, что их рассмотрение можно начать с английского языка, точнее, с простого по составу предложения с оборотом «Именительный падеж с инфинитивом». Данный оборот является типичной формой выражения предложения на синтаксическом уровне. В нём сказуемое представлено нейтральными глаголами «говорения» *to tell, to say*, ментальными глаголами со слабым эпистемическим значением «предположения» *to think, to expect* 'полагать, ожидать', глаголами со значением «кажимости» *seem, appear* 'казаться'. Оборот «Именительный падеж с инфинитивом» с использованием глаголов «предположения» и «кажимости», а также конструкции *to be* + прилагательное со значением «вероятности» служит средством передачи субъективного представления, которое подразумевает наличие какого-то обобщённого автора, поэтому Е. А. Никонова относит его к средствам репрезентации авторской эвиденциальности. Мы также причисляем его к средствам тактики уклонения от ответственности за объективность суждения семантико-прагматической стратегии уклонения (Демьянова, 2022b). Прагматическая установка её употребления:

завуалировать оценку говорящего, придав объяснению, критическому замечанию, упреку оттенок предпологаемой возможности, тем самым сняв с себя ответственность за истинность сказанного.

The child of a mother who can read is 50% more likely to live beyond the age of five years, twice as likely to attend school themselves, and 50% more likely to be immunized (Грант, 26 января 2023 г.). / У ребенка матери, которая умеет читать, вероятно, будет на 50% больше шансов пережить пятилетний возраст; возможно, он в два раза чаще будет посещать школу и иммунизироваться (здесь и далее – перевод автора статьи. – Т. Д.). *The 2023 Humanitarian Response Plan for 2023 is expected to be the largest in UN history* (Вудворд, 20 декабря 2022 г.). / Ожидается, что План гуманитарного реагирования – 2023 в 2023 году станет крупнейшим в истории ООН.

Невысокая степень авторской уверенности в истинности сообщаемой информации также передается посредством наречий степени уверенности *maybe* ‘может быть’, *probably* ‘вероятно’, *possibly* ‘возможно, может’, *perhaps* ‘может быть’, *apparently* ‘кажется, по-видимому’, которые позволяют автору отмежеваться от сообщаемой информации.

Today's meeting is perhaps a new low (Фиппс, 12 апреля 2024 г.). / Сегодняшняя встреча, возможно, является новым минимумом. При этом не следует забывать о не менее частотных по употреблению модальных глаголах *must* ‘должно быть’, *may/might* ‘возможно’, *cannot* ‘не может быть’ с тем же слабым эпистемическим значением «предположения».

Russia might be stripping kitchenware to make its missiles (Фиппс, 12 апреля 2024 г.). / Россия, возможно, разбирает кухонную утварь для изготовления своих ракет. *Such violence may be ongoing against those still in captivity* (Уимблдонский, 23 января 2024 г.). / Такое насилие, возможно, продолжается в отношении тех, кто все еще находится в плену.

Использование информации без идентификации источника является инструментом объективирования имперсональной эвиденциальности. Типичным средством её реализации являются предложения типа *As we've heard*, которые могут функционировать в виде парантез и выключаться из структуры высказывания и синтагматики предложения без нарушения при этом общего смысла и ритма высказывания (Белоедова, 2018).

As others have said already today, we need to do better (Вудрофф, 29 ноября 2022 г.). / Как уже говорили сегодня, нам нужно работать лучше.

Текстам заявлений и выступлений не свойственно использование сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным, главная/модусная часть которого функционально нацелена на выражение эвиденциальности. Она имеет предельно краткую структуру и представляет собой безличное предложение с формальным подлежащим и глаголом-сказуемым (представленным глаголами «говорения», «предположения») в страдательном залоге, например *It is said* ‘Говорят, что’, *It is expected* ‘Ожидают, что’, *They say* ‘Говорят, что’, *It's generally assumed that* ‘Обычно предполагается, что’. Вместо этого с целью указания на анонимный источник информации применяются наречия речевого сообщения *allegedly* ‘якобы’, *reportedly* ‘по сообщениям, как сообщают, как сообщается, якобы, предположительно, говорят’ (Костанян, 2019).

And the military's reportedly forced closure of hospitals in Rakhine State is preventing access to essential healthcare (Вудворд, 4 апреля 2024 г.). / Согласно сообщениям, принудительное закрытие больниц военными в штате Ракхайн препятствует доступу к основным медицинским услугам.

Количественный анализ примеров позволяет судить, что из целого арсенала русскоязычных лексических средств, равных по значению наречию речевого сообщения *allegedly*, среди которых выделяются эвиденциальные частицы (*якобы*), сравнительные частицы (*будто бы, вроде бы*), вводные слова и предложения (*предположительно, согласно сообщениям/утверждению, по сообщениям/утверждению, как сообщается/утверждается, как сообщают/утверждают, по неофициальной информации, по непроверенной/неподтвержденной информации, по непроверенным/неподтвержденным данным*), предпочтение в текстах выступлений и заявлений отдается эвиденциальной частице *якобы*, что даёт право считать её специфической языковой особенностью, характерной для русскоязычного дискурса.

Первый – это, безусловно, бывший роддом в Мариуполе, якобы разрушенный российской ракетой (Небензя, 23 марта 2022 г.). Назначение предположительно-эвиденциальной частицы *якобы* заключается в маркировке анонимных и недостоверных источников информации, на которых говорящий основывает свое высказывание. Н. Д. Аругюнова считает, что, даже не имея фиксированной позиции, частицы *якобы, де, дескать* выполняют свою роль эвиденциальных маркеров. Продолжая эту мысль, отнесём их к маркерам имперсональной эвиденциальности русского языка.

7 апреля 2018 г. печально известные НПО «Белые каски» сообщили о якобы имевшем место инциденте в сирийском г. Дума (Небензя, 7 февраля 2023 г.). ...*Который зывал к тому, что ничего более страшного в истории человечества никогда якобы не происходило* (Небензя, 22 февраля 2023 г.). Примеры свидетельствуют о том, что эвиденциальная частица в качестве формального средства модуса способна проявлять в пространстве текста не только субъективно-авторский смысл эвиденциальности, но и смысл вероятности (Левонтина, 2020).

Как уже говорилось выше, функцию репрезентации имперсональной эвиденциальности в русском языке также берут на себя вводные слова и словосочетания, употребляемые с целью указания на источник сообщаемого.

...*Мол, в результате сброса баллонов с хлором погибло несколько десятков человек* (Небензя, 7 февраля 2023 г.). *Если, мол, ты хочешь жить на Украине и видишь там будущее для своих детей и внуков, ты обязан стать украинцем, отказаться от русской идентичности* (Небензя, 14 марта 2023 г.). В семантике вводного слова *мол* заложена мысль о возможной недостоверности, неподтвержденности сообщаемой информации, поскольку она передается с чужих слов (Левонтина, 2020). Вводное слово *мол* имеет высокую частоту употребления, так же как небольшие по объёму безличные, неопределённо-личные, определённо-личные предложения,

часто употребляемые с возвратными глаголами *казаться, считаться, отмечаться, как это называется* и присоединяемые с помощью союзов *как, если, сколько*.

Авторская эвиденциальность в русскоязычных текстах выступлений реализуется при помощи модально-предположительных и сравнительных частиц *как бы, будто бы, как будто, вроде, словно, точно*, вводных слов и словосочетаний *вероятно, видимо, возможно, похоже, кажется, по-видимому, казалось бы, может, может быть, быть может, пожалуй, наверное*, которые выражают неуверенность говорящего в степени реальности сообщаемого.

То есть получается, что они как бы нейтральны (Небензя, 29 июня 2023 г.). *Скорее всего, это последствие бездумной раздачи оружия кому угодно на Украине* (Небензя, 23 марта 2022 г.). *Мы уже не раз слышали и, наверное, услышим и сегодня от наших западных коллег лукавый тезис, сводящийся к тому, что «если Россия прекратит воевать, война закончится, а если воевать прекратит Украина, закончится Украина»* (Лавров, 22 января 2024 г.). Средства репрезентации авторской эвиденциальности имеют высокую частоту применения благодаря тому, что её значения накладываются на значения эпистемической модальности. Однако считаем, что факт весьма высокой степени совмещения эвиденциальности с оттенком неуверенности не мешает ей оставаться эвиденциальностью.

В чувашском языке, как и в русском, существуют средства репрезентации имперсональной эвиденциальности, такие как вводные слова *хаçатсенче сырнă тăрăх* 'по сведениям газет, (как) сообщают газеты', *сынсен сăмахĕпе* 'по слухам, слышно', употребляемые с целью указания на недостоверный источник сообщаемого. Однако более распространённым средством выражения является постпозитивная лексема *тет/теççĕ* 'говорят, передают, ходят слухи, будто бы, дескать, мол', вводящая субъективно окрашенную чужую речь, но не выделяемая запятыми.

С. Игнатьев агронома çĕре юратнăшăн чысласçĕ, Л. Сурков водителе вăянма пĕлмен сын теççĕ (Архипов, 1990). / Агронома С. Игнатьева почитают за любовь к земле, о водителе Л. Суркове говорят, что он не знает усталости (здесь и далее – перевод автора статьи. – И. С.).

Наряду с лексемами важную роль играют целые аналитические конструкции. К примеру, конструкция «причастие прошедшего времени на *-нă/-нĕ* в сочетании с служебным глаголом *пул* в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени» несёт аудитивное предположительное значение 'говорят, передают, сказывают'. Глагольная аналитическая конструкция – сложная грамматическая единица, представляющая собой сочетание выступающего в неизменной форме основного компонента (глагол или глагольная форма), который несёт лексическое значение всей конструкции, и служебного компонента, выражающего грамматическое значение всей конструкции в целом (Сорокина, 2010).

Энĕшкасси сыннисем ĕнтĕ çак икĕ килтен ĕрчесе кайнă пулат (Емельянова, 2019). / Говорят, что деревня Энешкасси возникла из этих двух домов. Значение данной конструкции синонимично значению модального слова *имĕш* 'будто (бы), дескать, якобы, видимо, передают, слышно/говорят, что'. *Шкул сатĕнчи çулса пăрахнă курăка тавăрма вăхат çитнĕ имĕш* (Архипов, 1990). / Дескать, пришло время ворошить скошенную траву на школьном дворе.

Средствами репрезентации авторской эвиденциальности являются модальные слова *элле* 'разве, не иначе как', *тен* 'возможно, может, может быть, быть может, как будто, казалось бы, чего доброго', *тем/темĕн* 'может быть, возможно, видимо, пожалуй, кажется', *-тăр/-тĕр* 'может быть, пожалуй', *муш, мушт* 'может быть, возможно, авось' (восходящее к русской форме «может»), *ахăр/ахăр/ахăртне(х)* 'вероятно, наверное, по всей вероятности, должно быть, надо думать', *путех* 'вероятно, наверно, верно, кажется, возможно', *пулинех* 'может быть, разве что'. Заметим, что в чувашском языкознании лексему *пулас/пулĕ/пуль/пулмалла* 'возможно, пожалуй, вероятно, наверное' могут относить к вводным словам, модальным словам, а также к модальным глагольным формам.

Вĕсем, темĕн, пĕр-пĕринпе ытла сывăх тăнă пулмалла: пĕр-пĕринпе ĕç пуçтарса, пĕр-пĕринпе ĕçкĕ-çикĕ ĕçсе çинĕ çĕрте вĕсенĕн каласнă чĕлхи те, тумĕсем те, йăлĕсем те пĕрпекрех тăрса юлнă пулмалла (Емельянова, 2019). / Они, может быть, были весьма близкими: из-за совместных работ, проведения совместных праздников у них, видимо, сформировались сходства в языке, одежде, обычаях. Важно отметить, что нормой является наличие сразу двух модальных формантов. Например, частицы *темĕн/ахăртне(х)* часто сочетаются с модальными глагольными формами *пулас/пулĕ/пуль/пулмалла* 'возможно', образованными от глагола *пул* 'быть, становиться' для передачи модального значения недостоверности. Ср. *ахăртне(х) курас килмен пулĕ* (Емельянова, 2019). / По-видимому, не хотелось видеть.

Однако наряду с отдельными лексемами имеются целые модальные аналитические конструкции, синонимичные вводным словам *видимо, кажется, никак*:

- конструкция с глаголами настоящего, прошедшего очевидного времени с вспомогательным глаголом *пул* (*пулат, пулас, пулмалла*) в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени: *Çамрăк чухне ачисене пĕрин хыççăн теприне килтен кăларса янă та халĕ аса илĕ саманчĕсем канăç памаççĕ пулас* (Сидоров, 1990). / В молодости детей одного за другим проводила из дома, а теперь, видимо, воспоминания не дают покоя;

- конструкция «смысловый глагол (обычно в форме прошедшего неочевидного времени) в сочетании со служебным глаголом *курăн* 'видно, кажется', который большей частью употребляется в форме 3-го лица единственного числа»: *Салам сăмахăн пĕлтерĕшĕ авалхи вăхăтра чылай анлă пулнă курăнат* (Торгашова, 2019). / Слово *салам* в древности, видимо, было многозначным.

Полученные результаты свидетельствуют о достаточной развитости системы лингвистических средств репрезентации косвенной эвиденциальности в английском, русском, чувашском языках. Однако исследуемый материал на чувашском языке может свидетельствовать о невысокой степени их систематизации и конвенционализации в контексте публичного дискурса.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Обобщение подходов зарубежных и отечественных ученых к проблеме эксплицитного указания на источник сведений говорящего показало, что именно источник информации является показателем, на основе которого выделяются два типа косвенной эвиденциальности (авторская и имперсональная).

В результате исследования мы пришли к выводу, что характерным для англоязычного публичного дискурса грамматическим средством репрезентации косвенной эвиденциальности является безличное предложение в сочетании с глаголами «говорения», «кажимости», «предположения». Лексическими маркерами авторской эвиденциальности являются наречия степени уверенности, модальные глаголы. В качестве их русскоязычных эквивалентов выступают модальные (предположительные и сравнительные) частицы, вводные слова, выражающие низкую оценку говорящим степени достоверности сообщаемого. В этом случае эвиденциальность накладывается на значение предполагаемой возможности, которое присуще для эпистемической модальности. С прагматической точки зрения средства эксплицитного указания на источник сведений говорящего, способные придать высказыванию оттенок неуверенности, помогают говорящему снять с себя ответственность за истинность сказанного. Способность выполнять такую важную коммуникативно-прагматическую функцию в высказывании делает их эффективным средством речевой стратегии уклонения.

Установлено, что типичным грамматическим средством реализации имперсональной эвиденциальности в английском и русском языках являются предложения типа *As others have said* 'Как уже говорили другие', функционирующие в виде парантез. Равными по значению являются англоязычные наречия речевого сообщения и русскоязычные предположительно-эвиденциальные частицы, а также вводные слова, указывающие на анонимный источник информации, на котором говорящий основывает свое высказывание. При этом для русскоязычного публичного дискурса характерно активное применение частицы *якобы*, вводного слова *мол*.

Мы установили, что в чувашском языке типичным маркером имперсональной эвиденциальности является постпозитивное модальное слово *теççĕ* 'говорят, передают, будто бы, мол'. Наряду с лексемами имперсональная эвиденциальность эксплицируется целыми глагольными аналитическими конструкциями типа «причастие прошедшего времени на *-нă/-нĕ* в сочетании со служебным глаголом *пул* в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени». Глагольные аналитические конструкции типа «смысловый глагол настоящего или прошедшего очевидного времени со вспомогательным глаголом *пул*», «смысловый глагол в форме прошедшего неочевидного времени со служебным глаголом *курăн*» широко применяются и для репрезентации авторской эвиденциальности, они эквивалентны английским наречиям степени уверенности, русским предположительным и сравнительным частицам, вводным словам, которые выражают оценку говорящим степени достоверности сообщаемого. Примечательно, что нормой для чувашского языка является наличие сразу двух модальных формантов, что не искажает смысл высказывания. Характеристики публичного дискурса со стремлением к неоднозначности способствуют частому применению таких конструкций.

Сопоставление языковых маркеров авторской и имперсональной эвиденциальности в английском, русском, чувашском языках показало, что наличие богатого набора тождественных и отличающихся лексико-грамматических средств не может свидетельствовать о грамматикализации косвенной эвиденциальности в исследуемых языках. Её маркеры должны входить в парадигму глагола в виде глагольных флексий на постоянной основе и быть обязательными для оформления в речи, чего мы не обнаружили в ходе анализа. Считаем значимым выявление и систематизацию глагольных аналитических конструкций чувашского языка, выступающих в качестве уникального средства выражения эвиденциальности со знаком «-», когда прямая эвиденциальность как на лексическом, так и на грамматическом уровне противопоставлена косвенной эвиденциальности, где говорящий, основываясь на данных, которые ему было сообщены, в завуалированной форме информирует о результатах своих умозаключений, о том, что ему показалось.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать исследование ее национально-культурного потенциала, реализация которого возможна, прежде всего, в рамках компаративной лингвистики. На наш взгляд, нуждается в развитии тема выявления специфических средств выражения эвиденциальности в чувашском языке. Планируется дальнейшая систематизация значительных по численности и разнообразию глагольных аналитических конструкций. Кроме того, мы рассматриваем эвиденциальность не только как понятийную, но и прагматико-коммуникативную категорию, подразумевающую коммуникативное воздействие говорящего на адресата. В связи с этим считаем, что нуждается в развитии тема использования эвиденциальности в составе дискурсивных и прагматических механизмов, в частности в качестве одного из средств семантико-прагматической стратегии уклонения.

Источники | References

1. Белоедова А. Н. Категория достоверности в современных журналистских текстах: теоретический и практический аспект: дисс.. к. филол. н. Воронеж, 2018.
2. Демьянова Т. В. Прагматические установки употребления речевых стратегий маневрирования в контексте дипломатического дискурса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022а. № 3 (116).

3. Демьянова Т. В. Частицы как лингвистические средства реализации речевых стратегий // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2022b.
4. Козловский Д. В. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «модальность» в массмедийном дискурсе // Филология и человек. 2022. № 3.
5. Костянян З. В. Наречия речевого сообщения reportedly и allegedly как средство передачи чужой речи в современной англоязычной прессе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 8.
6. Левонтина И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания. 2020. № 3.
7. Никонова Е. А. Реализация категории эвиденциальности в аналитической статье англоязычной качественной прессы // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1.
8. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
9. Сафина А. Р. Теоретические аспекты изучения эпистемической модальности и эвиденциальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-2 (63).
10. Сорокина О. В. Модальные слова и конструкции в турецком и чувашском языках: дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2010.
11. Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages / ed. by L. Johanson, B. Uras. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
12. Studies in evidentiality / ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon // Typological Studies in Language. 2003. Vol. 54.

Информация об авторах | Author information

Демьянова Татьяна Валентиновна¹

Софронова Ирина Владимировна², к. филол. н., доц.

^{1,2} Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Tatyana Valentinovna Demyanova¹

Irina Vladimirovna Sofronova², PhD

^{1,2} Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

¹ demyanovatv@mail.ru, ² muxtar2@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.01.2024; опубликовано online (published online): 07.05.2024.

Ключевые слова (keywords): авторская эвиденциальность; имперсональная эвиденциальность; эпистемическая модальность; модальные слова; модальные аналитические конструкции; author's evidentiality; impersonal evidentiality; epistemic modality; modal words; modal analytical constructions.